

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ СПОСОБОМ СЛОЖЕНИЯ, В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ Л. МАРТЫНОВА

К вопросу об индивидуально-авторских новообразованиях обращались ведущие советские лингвисты, занимающиеся проблемами русского словообразования в лексике, — М. А. Бакина, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Н. И. Фельдман, Э. И. Ханпира, В. Н. Хохлачева, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев и др. В работах этих ученых поднимались вопросы номинации данного явления, условий его возникновения, предлагались классификации, обсуждалось отношение его к системе языка и речи. Особое внимание уделялось функционированию новообразований в художественных текстах.

Впервые в лингвистике вопрос об окказиональных словах был поднят немецким ученым Г. Паулем в работе «Принципы истории языка». Исследуя различные виды смысловых изменений слов, Г. Пауль разграничивал окказиональные и узуальные их значения. Причем, под узуальным он понимал «совокупность представлений, составляющих для члена данной языковой общности содержание данного слова», а под окказиональным значением — «те представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения [Пауль 1960, 94].

Таким образом, Г. Пауль впервые обратил внимание на окказиональность как явление, но речь у него шла лишь о семантических окказионализмах.

В отечественной лингвистике следует специально отметить вклад Н. И. Фельдмана, которая была пионером в изучении русского окказионального словообразования. Ею предложен термин «окказиональное слово» («окказиональный» — от лат. — «случайность», — «случайный»), ставший общепринятым.

Предлагались и другие термины: «индивидуальные слова», «авторские или индивидуально-авторские неологизмы», «стилистические или индивидуально-стилистические неологизмы контекста», «одноразовые неологизмы» (Э. Ризель), «слова-самodelки» (Н. И. Фельдман), «слова-экспромты» (К. И. Чуковский), «слова-метеоры» (В. В. Степанова), «потенциальные слова» (Л. В. Щерба, А. И. Смирницкий) и т.п.

Каждый из предлагаемых терминов характеризует рассматриваемое явление с определенной стороны. Таким образом, решение вопроса

о выборе термине для рассматриваемого понятия в известной степени способствовало решению вопроса о сути самого явления.

«Слова-самodelки», «слова-экспромты», «слова-метеоры» не могли быть приняты как термин в силу своей метафоричности (экспрессивности).

«Индивидуальные слова» и «эгологизмы» подчеркивали субъективный характер новообразований, их необщепринятость и отнесенность к известному автору.

В других предлагаемых названиях так или иначе варьировалось слово «неологизм». Подчеркивая присущую определенным словам новизну, они ставили в один ряд разнородные понятия, принадлежащие к сфере языка и сфере речи.

А. И. Смирницкий, предложивший термин «потенциальное слово», поясняет его целесообразность так: «Всякое созданное в речи на данный случай слово... может войти в обращение... Но до тех пор, пока такое слово не стало воспроизводиться в общественном масштабе в процессе общения, оно собственно может быть признано лишь «потенциальным словом»..., не вошедшим в словарный состав языка, не существующим в качестве его составной единицы» [Смирницкий 1979, 68]. На это Н. И. Фельдман резонно замечает: «Окказиональные слова прежних лет, которые не вошли в язык в течение десятилетий, не имеют, как правило, «потенций» войти в него и впредь, а значит, в этом смысле термин «потенциальный» к ним неприложим» [Фельдман 1957, 66]. Кроме того, «вне контекста этот термин создает впечатление, что слова собственно нет, оно только возможно» [Там же 67], между тем оно реально существует в данном контексте.

Термин «окказиональное слово» представляется наиболее удачным. Он подчеркивает экспромтный характер слова, указывая также, что оно образовано «по случаю», то есть не в соответствии с общепринятой нормой, а для нужд данного контекста.

Таким образом, в дискуссии о терминах применительно к авторским новообразованиям решался вопрос о важнейшей критерии, отграничивающей явление окказиональности от смежных явлений.

Вторым по продуктивности способом образования (после суффиксального) окказиональ-

ных имен существительных в поэтической речи Л. Н. Мартынова выступает способ сложения. В исследованных сборниках поэта он представлен двенадцатью словами:

Способ сложения выступает в трех разновидностях:

1. Всевидение;	2. всезабвенье;
3. гробокопалех;	4. зимопись;
5. лжемаяк;	6. лженищета;
7. луночь;	8. Мухоморье;
9. полузабвенье;	10. рукомойня;
11. сальватордали;	12. саночь.

а) чистое сложение (дает 5 слов);

б) сложение в сочетании с суффиксацией (дает 3 слова);

в) контаминация (дает 4 слова).

Л. Н. Мартынов использует чистое сложение с подчинительным отношением мотивирующих основ. В результате образуются единицы с опорным компонентом, равным самостоятельному слову.

Чистое сложение представлено в следующих словообразовательных типах:

1. «основа местоимения «весь» + интерфикс е + существительное»

всевидение,
всезабвение;

2. «основа существительного «ложь» + интерфикс е + существительное»

лжемаяк,
лженищета.

3. «Усеченная основа существительного «половина» + интерфикс у + существительное»
полузабвение.

Это высокопродуктивные типы. При создании окказиональных существительных Л. Н. Мартынов не нарушает законов продуктивности данных типов. Поэт создает потенциальные слова по образцам узуальных слов:

всеведение — всевидение, всезабвение;
лжепророк — лжемаяк, лженищета;
полупризнание — полузабвение.

Но и идя традиционным путем, Л. Н. Мартынов сумел достичь высокой изобразительности и индивидуальности окказионализмов, проявляющихся при функционировании этих новообразований в контексте.

Так, окказионализм «всевидение» [Мартынов 1966, 8] встречается в стихотворении «Видимое и невидимое», построенном на противопоставлении «видимого» («последствий») и «невидимого» (начал, скрытой от глаз сути):

«А этот лес? Тебе он виден весь?
Тут утверждаешь это? Но позволь же!
Лишь разве на три четверти, не больше,
Он виден. И всевиденьем не грезь.
Не замечаешь ты его корней,
Сосуших от земли неумоимо...»

Сочетание мотивирующих слов «весь» и «видение» сообщает новообразованию положительную экспрессию, связанную с ценностью обозначаемого качества. Контекст же развивает ироническую окраску новообразования «всевиденье» — это оказывается, видение всего, «что зримо», без уяснения сути явлений. Так окказионализм становится средством авторской оценки поверхностного, незрелого подхода к жизни, то есть выполняет стилистическую функцию.

Окказионализм «всезабвенье» [Мартынов 1965, 10] встречается в стихотворении «Воспоминанье», построенном на антитезе память — забвение. Автор создает образ дерева «всезабвенья», в листьях которого, оказывается, бьется птица памяти. В центре образа находится окказиональное слово, имеющее сложные метафорические связи:

«И, даря меня прохладной тенью,
Надо мною пышно расцвело
Всезабвенья мощное растение...»

Окказионализм становится ядром художественного образа.

Л. Н. Мартынов прибегает к средству создания поэтической номинации с основой местоимения «весь» в качестве первого компонента, указывающей на максимальный охват «забвенья», чтоб доказать в ходе развития сюжета, что и в таком охвате оно не властно над миром человеческой души.

В стихотворении «Воспоминанье» окказионализм выполняет роль средства поэтической номинации, служит для создания художественного образа.

В стихотворении «Ночные звуки» [Там же, 217] окказиональное существительное «полузабвенье» (то есть не полное забвенье) создано как средство поэтической номинации для состояния сна:

«В полузабвенье кто-то закричал...»

При создании окказионализмов «лжемаяк» [Мартынов 1966, 72], «лженищета» [Мартынов 1965, 266] Л. Н. Мартынов использовал отрицательную экспрессию первого мотивирующего компонента — основы слова «ложь».

В стихотворении «Еще бояться высоты...» поэт использует созданное им слово «лженищета», где в качестве второго опорного компонента присутствует слово с отрицательной

экспрессией «нищета». Содержание первого компонента словно бы направлено на отрицание подлинности второго, но новообразование не приобретает положительной эмоционально-экспрессивной окраски: «Лженищета» — это нищета духа, сознательно выбранный духовный «шесток», на который обрекают себя иные из ложного страха перед жизнью:

«О ты,
Простак,
Пойми же ты:
Ты в рубище лженищеты
За крохами встаешь в хвосты,
Когда кругом твои богатства,
Твои сокровища таятся,
Твои труды,
Твои мечты.»

Ярко выраженная отрицательная экспрессия окказионализма «лженищета» поддержана ближайшим лексическим окружением («рубище», «крохи», «в хвосте»), обращением («простак») и контрастом значений этих слов со значениями слов «богатство», «сокровища», «труды», «мечты».

Таким образом, окказионализм «лженищета» является компактным, концентрированным средством поэтической номинации духовной, общественной позиции отдельных лиц, причем средством, отражающим нетерпимое авторское отношение, то есть выполняющим также стилистическую функцию. Кроме того, участвуя в создании речевого контраста, новообразование выполняет функцию динамическую.

Второй разновидностью способа сложения в поэтической речи Л. Н. Мартынова выступает сложение в сочетании с суффиксацией. Новообразования автора, созданные таким образом, в качестве опорного компонента содержат глагольную основу.

Сложение в сочетании с суффиксацией выступает в поэтической речи художника в двух подвидах:

- а) с материально выраженным суффиксом;
- б) с нулевым суффиксом.

Суффиксально-сложные образования с материально выраженным суффиксом созданы по двум типам:

1. «основа существительного + интерфикс о + основа глагола + суффикс и»;
2. «основа существительного + интерфикс о + основа глагола + суффикс j».

Каждый из них представлен в одном слове.

По типу 1 в соответствии с узуальными образцами «шерстобитня», «каменоломня» создано слово «рукомойня» [Мартынов 1965, 137]. По типу 2 образовано существительное «мухо-

морье», в соответствии с книжными словами «травосеяние», «снегозадержание».

Оба новообразования встречаются в стихотворении «Замечали — по городу ходит прохожий?» и созданы с установкой на приближение к звуковому облику слова «Лукоморье», находящаяся в этом же контексте:

— А?
— Что?
— Лукоморье?
— Мукомолье?
— Какое еще Мухоморье?
— Да о чем вы толкуете? Что за история?
— Рукомойня? В исправности...

«Лукоморье» — это сказочная страна, созданная воображением поэта. Здесь оживает не написанная история фольклорных преданий, «лежат под землей драгоценные руды», «шары янтаря» [Там же, 136]. Лирический герой зовет в эту страну, надеясь увлечь за собой людей. Но в сутолоке дней они забыли о сказке. Показавшееся знакомым слово «Лукоморье» ассоциируется у них с бытовыми явлениями (окказионализм «рукомойня» обозначает приспособления для мытья рук), поэтическая страна древних преданий представляется местом, где... морят лица (окказионализм «Мухоморье» обозначает действие, названное глагольной основой и конкретизированное в первой основе). Так, поэт использует окказиональное словообразование для создания ярких, емких средств характеристики героев («соседей») и их интересов, их представлений.

Окказионализмы «рукомойня» и «Мухоморье» помогают в создании приема контраста между видением лирического героя и восприятием «соседей», чтобы показать затем, как сила искусства преображает эмоциональный мир людей.

Таким образом, окказионализмы выступают средством раскрытия идеи произведения.

Суффиксально-сложное существительное с нулевым суффиксом «зимопись» [Мартынов 1972, 31] создано по словообразовательному типу:

«основа существительного + интерфикс о + основа глагола + нулевой суффикс».

Слово «зимопись» создано по образцу существительного «летопись», включенного, как это часто бывает у Л. Н. Мартынова, в один контекст с новообразованием.

«И в седую древность глядя глазом,
Что-то пишешь ты, не знаю я:

Пахнет нефтью и природным газом
летопись и зимопись твоя.»

(«Летопись»)

Окказиональное и узуальное слово («зимопись» — «летопись») объединены одним словообразовательным компонентом, это вызывает переосмысливание внутренней формы узуального слова (запись исторических событий не по годам, а по летним периодам). Таким образом, появление окказионального слова в стихотворении «Летопись» сопровождается возникновением поэтической этимологии узуального слова.

Характерны для Л. Н. Мартынова и окказионализмы, образованные путем контаминации. Они представляют собой объединение частей двух слов (часто имеющих что-то общее) в одно слово. Это сближает реалии, лежащие в основе номинативных значений объединяющих слов. Таких окказионализмов в наших выборах четыре:

гробокопалех;	сальватордали;
луночь;	саночь.

В стихотворении «Черт Багряныч» [Мартынов 1969, 70] встречаются контаминированные конструкции «луночь» и «саночь»:

«Будет луночь, саночь! Все иное прочь!
И Буран Бураныч мчится с Вайгача,
И охрипнут за ночь рации, пища,
Что Буран Бураныч хочет в эту ночь
Взбить ледяную луночь с признаками ног.»

«Черт Багряныч» — это последнее дыхание осени, предвещающее зиму, это предчувствие буранов и выюг. И одним из способов передачи свирепствования ожидаемой снежной стихии становится у Л. Н. Мартынова выраженное ощущение скрещивания, столкновения понятий в контаминированных словах «луночь» (лунная ночь) и «саночь» (санная ночь), поддержанное энергичным, насыщенным фантастическими элементами контекстом и общим звуковым рисунком стихотворения (преобладают л, и, ч, с).

Характерны для поэтической речи Л. Н. Мартынова и окказионализмы, образование которых сопровождается наложением морфемных частей друг на друга («гробокопалех» — гробокопательство «Палех») [Мартынов 1969, 82],

«И ты пойми, что сверстница Пикассо,
Я не стремлюсь блуждать в сальватордалях,
Но опостылел и гробокопалех и всякие легенды
на медальях»
(«Натура живописца»)

Окказионализм «сальватордали» образован редким в современной поэзии наложением целых слов друг на друга — Сальватора Дали + дали. Так поэт создал средство поэтической номинации для лжеперспектив, открываемых перед искусством различными модернистскими течениями (в частности, сюрреализмом, отцом которого в живописи является Сальватор Дали). Отрицательная экспрессия новообразования в конечном счете обусловлена контекстом («я не стремлюсь блуждать в сальватордалях») и отражает непримиримое отношение автора ко всяким гримасам модернизма, способным лишь увести ищущую «натуру живописца» с магистрального пути развития искусства.

Окказионализм «гробокопалех» употреблен в том же контексте. Обладает отрицательной экспрессией, вносимой в новообразование первой частью контаминированной конструкции. Это средство поэтической номинации, отражает авторское отношение ко всяким псевдонародным поделкам. Для верного понимания семантики окказионализма автор приводит в одном контексте с ним существительное «Палех» и дает такое ему разъяснение:

«... не Палех, но лаки
на шкатулочных эмалях»,

то есть подделка под народное искусство, вот что отвергает «гордая наследница Рублева» — «натура живописца» в своем «томлении», «и ныне не отстал от века», «достичь сверхмикель-анджеловской мощи».

Таким образом, окказиональное слово несет в себе печать авторской принадлежности. Индивидуальная принадлежность является принципиальным условием пребывания в окказиональном статусе. С другой стороны, этот признак сохраняется за окказионализмом в силу его речевой принадлежности, невхождение в систему языка, так как язык с его критерием социальной значимости преодолевает индивидуальное начало, обезличивает принадлежащие всему коллективу средства общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов Л. Н. Первородство: Книга стихов. — М., 1965.
2. Мартынов Л. Н. Голос природы. — М., 1966.
3. Мартынов Л. Н. Людские имена: Книга стихов. — М., 1969.
4. Мартынов Л. Н. Гипербола. — М., 1972.

5. Пауль. Принципы истории языка. — М., 1980.

6. Смирницкий А. И. Открытый символ // Филологические науки. — 1979, №1.

7. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. — 1957. — №4.

С. А. Красникова

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ РИСУНОК ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Уже в первом романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» отчетливо и полно обозначились характерные черты индивидуального стиля писателя. Они сказались и в формах повествовательного изложения, и в способах словесной характеристики персонажей, и в изображении их переживаний и действий, и в отдельных индивидуально окрашенных образных средствах и выражениях.

Опираясь на привитую Пушкиным русской литературе многоплановость повествования и на пушкинскую манеру изображения внутренних состояний героев путем косвенной, побочной символизации, Булгаков в то же время усложняет этот пушкинский прием (в духе литературных принципов XX века, особенно русской орнаментальной прозы) — за счет расширения плана персонажей, увеличения сценичности изложения и композиции романа. При этом усложняется и стилистическая структура самого повествователя. Повествователь в «Белой гвардии» близок к миру главных героев романа. Он как бы вращается в кругу изображаемых лиц и событий, то сочувствуя своим героям, то беззлобно иронизируя над ними. Он погружен в ту же эмоционально-семантическую сферу, что и герои, его восприятие внешнего мира близко восприятию мира тем или иным персонажем, а нередко даже сливается с ним. На единство между повествователем и героями в «Белой гвардии», на настоятельное стремление писателя подчеркнуть (хотя и ненавязчиво) эту общность указывал В. Каверин в своих «Заметках о Булгакове»: «Расстояния (между повествователем и главными героями — С. К.) нет, — вот откуда взялась нежность, с которой написаны Елена, Николка, Мышлаевский — да все, кто заслуживает любви и доверия. Вот откуда доверительность, открытость, с которой он рассказал нам о них» [Каверин 1977, т. 2, 636].

Повествователь в романе Булгакова временами как бы открыто вступает в изображаемый им мир. Композиционно это выражено, в част-

ности, переходом объективно-информативного рассказа в субъективно-обостренное повествование, напоминающее внутренний монолог действующего лица (облеченный в форму НСПР): «В наглых глазах Шервинского мячиками запрыгала радость при известии об исчезновении Тальберга. Маленький улан сразу почувствовал, что он, как никогда в голосе, и розоватая гостиная наполнилась действительно ураганом звуков, пел Шервинский эпиграму богу Гименею, и как пел! Да, пожалуй все вздор на свете, кроме такого голоса, как у Шервинского»¹.

Повествователь в «Белой гвардии» прибегает к разного рода семантическим сигналам, рассчитанным на активизацию читательских ассоциаций. Такие сигналы либо динамизируют, либо драматизируют изображаемую ситуацию, либо служат средством лиризации изложения. Синтаксически эти сигналы оформляются неполными или назывными конструкциями. Ср.: «Раз — и окончательный туман! Туман, господи. Николка, выпивший три бокала, бегал к себе за платком и в передней (когда никто не видит, можно быть самим собой) припал к вешалке. Кривая шашка Шервинского со сверкающей золотом рукоятью. Подарил персидский принц. Клинок дамасский. И принц не дарил, и клинок не дамасский, но верно — красивая и дорогая. Мрачный маузер на ремнях в кобуре. Карасев «стейер» — вороненое дуло. Николка припал к холодному дереву кобуры, трогал пальцами хищный маузеров нос и чуть не заплакал от волнения. Захотелось драться сейчас же, сию минуту, там, за Постом, на снежных полях. Ведь стыдно! Неловко... Здесь водка и тепло, а там мрак, буран, вьюга, замерзают юнкера. Что же они думают там в штабах? Э, дружина еще не готова, студенты не обучены, а сингалезов все нет и нет, вероятно,

¹ Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2-х т. — Т. 1. — К.: Дніпро, 1989, с. 55. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.